

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искупление
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!

Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не
подлежит

Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Синдром Атяшево
Не оставляй меня, любимый!

Код личного счастья
Тайный шифр художника
Зов дельфина
Герой ее романа
Верь в меня
Домовой

Запасной козырь
Принцесса отражений
Римские каникулы
Будем как боги
Зеленая тетрадь
Прости
Неслучайные встречи
Натурщица
Вкус жизни

Диалогия «Белый квадрат»
Лепесток сакуры
Захват судьбы

Трилогия «Три цвета любви»
Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

ОЛЕГ РОЙ

Вкус жизни

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Редактор серии *Валерия Горюнова*

Оформление серии *Дарья Васильченко*

Рой, Олег.

Р65 Вкус жизни : роман / Олег Рой. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-187538-1

Наташа — привлекательная женщина, энергичная домохозяйка, жена немолодого бизнесмена и мать двоих взрослых детей. В один «прекрасный» день муж ставит ее перед фактом: у него новые отношения с молодой амбициозной коллегой, девушка беременна и свадьба уже назначена. Стабильная и благополучная жизнь Наташи рушится в одночасье. В ней никто не нуждается. Как же быть? Это конец или шанс начать все заново, бросить вызов себе и обстоятельствам и победить?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187538-1

© О. Рой., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Глава 1

Просыпаясь в тот день, Наташа Добрынина и представить себе не могла, что сегодня вся ее жизнь — пусть не счастливая, но привычная и устоявшаяся — коренным образом изменится. Причем далеко не в лучшую сторону.

Поначалу серенькое сентябрьское утро не предвещало никаких новостей. В половине девятого Наташа вышла из спальни и, позавтракав домашним йогуртом с половинкой банана, энергично взялась за хозяйство. Ближе к вечеру из недельной деловой поездки должен был вернуться Алексей. И столько всего нужно было успеть! Заглянув в каждую из трех комнат своей просторной квартиры, Наташа задумалась, с чего начать — с сортировки выглаженного белья или с полива цветов в лоджии. И то и другое дело было не слишком обременительным — в самый раз для разгона домашнего «рабочего дня». Других у нее не было — вся ее жизнь была связана с домом.

В свои пятьдесят четыре она выглядела от силы на сорок. Невысокого роста, стройная, большеглазая, с короткой стрижкой на темно-русых прямых волосах, Наташа относилась к той счастливой породе людей, чей возраст угадывается с трудом. Так было с молодости, когда ее, миниатюрную молодую женщину, порой принимали чуть ли не за ровесницу сна-

чала старшеклассницы-дочери, а потом и младшего сына. Правда, теперь уже не перепутали бы — Ленка давно переросла маму на целую голову и, пойдя внешностью в отца, к тридцати четырем годам выглядела вполне на свой возраст. Чего не скажешь о Костике, младшем сыне. Лозунг Наташиного пионерского детства «Нам никогда не будет шестьдесят, а лишь четыре раза по пятнадцать!» к Костику подходил идеально, и в смысле личности, и в смысле внешности. Он был высоким, как и сестра, но каким-то рыхлым, нескладным. Даже нормальной растительностью на лице обзавестись не получилось — щетина росла хаотично, в основном по линии челюсти с редкими заскоками на щеки и шею. Когда Костик был младше, страшно по этому поводу переживал, хоть и старался не особо показывать. А теперь... Что теперь? Теперь его заботило совершенно другое.

Думая о детях, Наташа невольно улыбнулась и вновь заглянула в бывшие детские. В комнате Костика ничто не напоминало, что тут еще несколько лет назад жил студент. Едва сын съехал от них, как Алексей затеял во всей квартире ремонт, слава богу, хоть косметический. Тогда обновили обои, полы, частично сменили мебель. Это было пять лет назад, но до сих пор Наташа именно Костину комнату мысленно звала детской, хотя Алексей упорно звал ее «гостевой». Как будто у них хоть раз останавливались гости с ночевкой! Приезжать было некому — близких родственников и друзей в других городах у Добрыниных не имелось, а просто знакомые, приезжая в город на Неве, конечно же, останавливались не у них, а в гостиницах.

В Ленкиной комнате — она была чуть просторнее, с широким трехгранным эркером во всю стену — теперь была спальня Алексея. Сама Наташа обитала в общей супружеской спальне. Бывшей общей.

Вздохнув, Наташа прошла в комнату мужа, открыла платяной шкаф и принялась осматривать содержимое. Алексей наверняка с дороги отправится в душ, а после обеда, может, и вздремнуть надумает. Он рассказывал, что поездка получилась нервной, едва не скандальной: во всяком случае, именно так он описывал ее в коротких отрывистых сообщениях, которыми муж и жена обменивались где-то раз в два дня. Даже с ночлегом не особенно повезло: из всех гостиниц Иркутска ему досталась именно та, где не нашлось ни единого номера с его любимым ортопедическим матрасом. Да и водились ли там вообще такие чудеса комфортного быта, к которым привык ее разборчивый муж? Вряд ли. Так что приедет усталый, измотанный. Хорошо, если не раздраженный, как часто бывало в последнее время. Алексей не имел привычки срывать накопившееся за рабочий день недовольство на жене, но Наташа все замечала: и хмурый, словно обращенный внутрь себя взгляд темно-серых, чуть навывкате глаз, прятавшихся под густыми бровями, и сжатый в прямую линию рот, и нервное постукивание пальцев по скатерти, когда муж сидел в любимом широком кресле напротив окна в просторной кухне-столовой и ждал, пока она накрывает на стол. Ничего тут не сделаешь: бизнес есть бизнес. Он никого не щадит и никому не дается легко. Даже тем, кому уже шестьдесят и кто всю жизнь посвятил своему делу.

На первых порах их бизнес без преувеличения можно было назвать семейным. Еще в начале девяностых свекор Наташи, Олег Викторович, открыл свою фирму. Потом к делу подключился его сын и продолжил заниматься им после смерти отца. Компании меняли формы собственности, закрывались и тут же открывались снова, но область деятельности оставалась все той же — лаки и краски. Сначала Алексей торго-

вал импортом, позже и сам занялся производством. Теперь он владел успешной фирмой с несколькими филиалами, и дел было выше головы, только успевай поворачиваться.

К сегодняшнему дню все надежды Алексея на преемственность поколений уже рухнули. Лена еще в школе заявила, что бизнес — это не для нее, она исключительно творческая личность. А следом за сестрой отказался и Костя, несмотря на весьма прозрачные намеки и откровенные попытки давления в вопросе выбора будущей специальности. К разочарованию Алексея, после школы Костик собрался учиться на программиста, ни менеджмент, ни экономика производства, ни уж тем более химия лаков и красок не интересовали его совершенно. А вот разработка виртуальных вселенных, мир компьютерных игр и сетевых приложений — еще как. В старших классах Костик с головой погрузился в эту самую нереальную реальность и ни в какую не пожелал из нее выходить. После того как сын поступил на факультет этой самой своей прикладной информатики, Алексей, подождав еще пару лет, не одумается ли тот вдруг, со вздохом принялся растить себе помощников из «подручных материалов». Благо молодых менеджеров с амбициями и карьерными планами в его собственной фирме было хоть отбавляй.

Рассеянно перебирая стопки безукоризненно выглаженного постельного белья, Наташа поменяла местами два лежащих не по цвету комплекта. Просто удивительно, как она такое проглядела? Непорядка в ее шкафах отродясь не водилось, впрочем, как и на кухне, и в ванной, и во всем остальном доме, которым Наташа занималась всю свою взрослую замужнюю жизнь, ни капли этим не тяготясь. Наоборот, хозяйственные заботы были ей в радость. Да и почему

бы не радоваться, когда стараешься для родных, любимых людей? И сейчас, пусть дети выросли и обзавелись собственным жильем, и Наташа жила только с мужем, это нисколько не повлияло на многолетнюю привычку быть хозяйкой идеального дома.

А домом своим Наташа по праву гордилась. Просторную трехкомнатную квартиру, всеми окнами выходящую на один из притоков Невы, с высокими потолками, с огромной кухней-столовой и собственной кладовой, усилиями жильцов оборудованной в цокольном этаже, Наташе с Алексеем подарили родители мужа. Когда стало понятно, что дела у молодых идут к свадьбе, Олег Викторович купил им жилье в том же доме, где жила его собственная семья. Людмила Михайловна, будущая Наташина свекровь, была только рада такому соседству. К Наташе она относилась тепло и безоговорочно приняла ее как родную. Радовалась и Наташа всем сердцем — она тоже сразу полюбила родителей своего серьезного и немногословного избранника.

Сама Наташа выросла в неполной семье, с одной только мамой. Отца не помнила: родители развелись вскоре после рождения дочери, и мама избегала всяческих разговоров о нем. Даже ни одной его фотографии в доме не сохранилось. В тот год, когда Наташа появилась на свет, Ирине исполнилось тридцать шесть. Это была тихая, ничем не примечательная, вечно усталая женщина со слабым к тому же здоровьем. Работала машинисткой в проектном институте, постоянно брала на дом халтуру, и ни на что другое, будь то домашние дела или общение с дочкой, у нее не оставалось ни сил, ни времени, ни желаний. Все детство и юность Наташи прошли под стук пишущей машинки, начинавшийся с первым сигналом радиоточки на кухне и заканчивавшийся поздним вечером.

Жили они тогда в коммуналке на улице Блохина, и соседям такие «концерты», конечно, не нравились. Что бы хоть как-то снизить накал то и дело вспыхивающих страстей, из двух комнат, в которых они обитали, Наташина мама перебралась в дальнюю — ту, что примыкала к черному выходу и была почти вдвое больше совсем крошечной детской. Зато стрекот «Эрики», купленной по случаю в комиссионке, оттуда был еле слышен. Какое-то время все было спокойно, но соседи на то и существуют, чтобы жизнь обитателей совместной жилплощади никому не казалась раем. Вскоре они принялись попрекать Наташину маму, что та засунула дочь чуть ли не в чулан с крошечным окном, смотрящим в стену дома напротив, а сама в это время «барствует» на шестнадцати квадратных метрах со своей подозрительной печатной машинкой. И хорошо бы еще разобраться, что она там печатает по ночам... Но тут за Наташину маму неожиданно вступился однорукий дядя Сережа — бывший фронтовик, обитавший в коммуналке напротив. Владелец громоздкого, неважно подогнанного протеза и точно такого же чуланчика, какой был у Наташи (квартира была зеркальной копией той, где она жила с мамой), он практически ежедневно навещался к Коляну, закадычному корешу и соседу по этажу. Разложившись на кухне с неизменным джентльменским набором — плавленым сырком «Дружба», ржаным «полкирпичиком» и беленькой «четвертинкой», — глухой на левое ухо дядя Сережа после первого же стопаря начинал громогласно вещать, с задиристой строгостью поглядывая на шныряющих мимо жильцов:

— И как ей, скажи на милость, ребенка кормить? Ты, что ли, денег дашь? Или ты? А?! Не слышу без очков!

Желающих связываться с контуженым ветераном обычно не находилось. Чинно допив свою «малень-

кую», мужчины расходились смотреть вечерние новости по телевизору, и трофейная немецкая «Эрика» продолжала бодро стучать, добывая пропитание тихой женщине с дочкой.

Все это было очень, очень давно. Но, несмотря на чудесные перемены, случившиеся в Наташиной жизни в дальнейшем, не истерлось из памяти. И даже сейчас, много лет прожив в полном достатке, она нет-нет да и вспоминала и колоритного дядю Сережу, и коммуналку на Блохина, и весь их с мамой серенький трудный быт. Наверное, Наташа именно потому и вкладывала сейчас столько сил в создание уюта нынешней квартиры, что в детстве была его абсолютно лишена. Какой уж тут уют — среди непонятно чьей обшарпанной мебели и старых тазов со сколами эмали, развешенных по стенам длинного полутемного коридора, ведущего в громадную общую кухню с тремя газовыми плитами напротив вечно замызанного окна... Правда, когда наконец подошла мамина очередь и Ирина Витальевна получила отдельную квартиру в заокраинных новостройках, куда ходили только трамваи, комфорта в их жизни больше не стало. Уже окончательно повзрослев, Наташа поняла, что мама толком и не представляла, что это такое — налаженный быт и домашний уют. Да и для кого ей было стараться? Для дочки? Квартира у них появилась, когда Наташа оканчивала выпускной класс, и вся ее жизнь — подруги, секция настольного тенниса, занятия на подготовительных курсах — была связана с городским центром. Домой она приезжала только спать. Тогда для себя? Начинать гнездо, разменяв шестой десяток, казалось Ирине Витальевне нерациональным и глупым. К тому же на дворе стояли такие времена, когда даже в Ленинграде товаров в магазинах становилось все меньше, а цены на них делались все выше. Покупка масляного радиа-

тора самого убогого вида (из плохо подогнанных окон их новостройки нещадно дуло три сезона из четырех) или элементарного кухонного светильника, который было бы неплохо повесить на стену возле обеденного стола, могла запросто превратиться в многодневный утомительный квест с отмечанием в списках, стоянием в очередях и молниеносным приобретением того, что не нравилось и совсем не подходило по цвету, но «ладно, зато работает».

Неудивительно, что теперь Наташа любила свой собственный дом всем сердцем. Еще бы! Здесь все было устроено по ее вкусу. Ни дети, ни уж тем более муж в ее представления об уютном налаженном быте предпочитали не вмешиваться. И она с удовольствием старалась для всех. И одновременно — за всех, потому что подобное невмешательство подчас оборачивалось необходимостью прилагать усилия в одиночку. Но Наташа на родных не сердилась и не обижалась. Ведь все они были ее семьей, самыми близкими людьми, а значит, нуждались в ее заботе.

Она так привыкла и считала это правильным. Обладая спокойным и мягким характером, Наташа с самого детства старалась доставлять маме как можно меньше хлопот. Рано начала помогать по дому, старательно училась и готовилась к поступлению в вуз. Из предметов ей лучше всего давались естественные науки, биология и химия. Окончив школу с приличным средним баллом в аттестате, Наташа успешно сдала вступительные экзамены в Технологический институт и через пять лет получила диплом по специальности «химия материалов». К этому времени Ирины Витальевны уже не было на свете — она умерла, едва Наташе минуло девятнадцать. Оставшись одна, Наташа ничего в своей жизни не изменила — каждый день все так же через весь город методично ездила в ин-

ститут, по вечерам возвращалась в пустую квартиру. В какой-то момент испугалась: ей вдруг стало казаться, что так будет вечно...

Но у судьбы были другие планы на скромную тихоню с неяркой внешностью и застенчивой милой улыбкой. Довлевающий над ней сценарий жизни собственной матери Наташа не повторила. Учась на четвертом курсе, она проходила практику на лакокрасочной фабрике и там познакомилась с будущим мужем. Высокий, интересный, неизменно пользующийся успехом у практиканток молодой специалист Алексей Добрынин восхитил девушку с первого взгляда. К ее собственному безмерному удивлению, он тоже обратил на нее внимание. Для Наташи это стало почти что шоком: крайне застенчивая и вечно сомневающаяся в себе, она не считала себя даже хоть сколько-нибудь привлекательной и до этого момента не имела никакого опыта общения с молодыми людьми. Много после, уже будучи замужем, Наташа вспоминала первые месяцы их знакомства и понимала, что ее влечение к Алексею, помимо совершенно нормального в таком возрасте желания влюбиться и быть любимой, во многом было соткано из усталости от одиночества, потребности в хотя бы мнимом близком человеке рядом и искренней благодарности этому самому человеку за то, что он заметил ее и выделил из толпы.

Алексей тогда готовился отметить двадцатипятилетие, и ему пора было всерьез задуматься о создании семьи. Так было лучше для карьеры, которую он собирался делать по комсомольско-партийной линии, но с началом перестройки спешно отредактировал планы и целиком сосредоточился на бизнесе. Его отец был заместителем директора этого самого лакокрасочного завода, о чем Наташа впервые услышала,